

В. С. Сидорец

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБОИДОВ

Исследование вербоидов, неоднословных наименований предикатного признака типа *вести эксперимент, испытывать радость, состоялся митинг* весьма актуально в современной лингвистике. Деривационно-семантическая структура этих дискретных единиц, представляющая результат взаимодействия дериванта – десемантизированного глагола и лексического центра вербоида – абстрактного существительного, отличается гибкостью, мобильностью, содержательной ёмкостью. Являясь коммуникативными эквивалентами глаголов, вербоиды существенно расширяют пределы функционально-семантической категории процессуальности [1], входят в состав словообразовательных гнёзд [2], весьма употребительны в ментально-психической сфере человеческой деятельности, поскольку здесь «собственно словообразовательные средства номинации крайне **непродуктивны**» [3, 142]. Вербоиды широко используются в современных восточнославянских литературных языках, поэтому достаточно интересно их изучение с позиций контрастивной лингвистики [4].

Естественно, своеобразие деривационно-семантической структуры вербоидов «востребовано» художественным текстом. Кстати, в современных лингвистических исследованиях проблеме текстообразующей функции вербоидов внимания не уделялось, да и само понятие художественного текста нуждается в дальнейшей теоретико-практической конкретизации.

Как известно, специфика художественного текста стимулирует индивидуально-авторское начало в разносторонней актуализации языковых средств, отобранных из национального языка для реализации творческого замысла, заключающегося в том, что автор при создании художественного произведения «производит отбор... явлений действительности, которые соответствуют его представлениям и концепциям. Вымышленные, но правдоподобные ситуации моделируются им в целях пояснения и подтверждения своих идей и представлений» [5, 4]. Однако «общей теории художественного текста... ещё не создано. Художественный текст продолжает оставаться некоторой “закрытой сущностью”» [5, 4]. Сложность анализа его заключается в многоплановости, многомерности семантики, поскольку «художественный текст не только отражает действительность, но и выражает средствами естественного языка модели человеческого отношения к миру» [5, 18]. В связи с этим И. Р. Гальперин отмечает особый характер модальности художественного текста [6, 72], который проявляется через свойственную тому или иному писателю систему актуализации языковых средств. Отсюда вытекает «высокая степень антропо-

центризма художественного текста, который предстаёт как сложный смысловой знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [7, 49].

Востребованность вербоидов художественным текстом проявляется в употреблении различных по объёму и конфигурации вербоидных образований. В процессе реализации творческого замысла вербоиды подвергаются как простым, элементарным изменениям (*вести борьбу: веду борьбу, ведущий борьбу, ведение борьбы, ведётся борьба* и др.), так и сложным, которые проявляются в интеграции вербоидов (*чувствовать близость + чувствовать враждебность = чувствовать близость и враждебность*), во включении в состав вербоидов слов-классификаторов (*испытывать горечь поражения, отдаваться чувству любви*), в перераспределении компонентов вербоидов с элементами определённой трансформации по предикативным частям сложноподчинённого предложения (*давать оценку, совершать перемены: оценка, которую даю; перемены, которые совершались*) и др.

Простые, элементарные изменения вербоидов достаточно значимы в повествовании, поддерживают или усиливают в тексте различные эмоционально-смысловые акценты: 1) «*Да нестерпимо было и самое чтение, вызывавшее рукоплескания*» [8, 186]; 2) «*И он собирался, делал приготовления к отъезду, ходил по Москве...*» [8, 190]; 3) «*Ты естество мужское, лезешь на стену, предъявляешь к ней высочайшие требования инстинкта продолжения рода...*» [8, 190]; 4) «*И всё это доставляло Мите странное удовольствие*» [8, 206]; 5) «*что... даже давало порой странную надежду, что в Соньке можно найти не то наперсницу своих чувств, не то некоторую замену Кати*» [8, 206].

В первом примере отрицательный с точки зрения Мити характер смысла *чтение было искусственным с элементами фальши, пошлой невучести, в результате – нестерпимым* усиливается оксюморонным по отношению к этому смыслу вербоидом *вызывавшее рукоплескания* (вызывать рукоплескания). Во втором примере смысл *поскольку Митя твёрдо решил уезжать* поддерживается не глаголом *готовился*, а более значимым по семантике вербоидом *делал приготовления*, потому что в функции форманта (дериванта) выступает глагол *делать*, а существительное употребляется в форме множественного числа, подчёркивая многократность вербоидного действия. Не случаен семантически значимый вербоид *предъявлять требования*, подкреплённый прилагательным *высочайшие* в третьем примере, который является своеобразным следствием смысла *Митя нетерпим ко всем женским слабостям Кати в силу особых свойств своего характера и своей мужской природы*.

Вербоиды *доставляло удовольствие* и *давало надежду* представляют центры итоговых предикативных частей, заключающих развитие смысловой линии взаимоотношения Мити и Соньки на протяжении 14-ой главы.

Достаточно распространённым средством в процессе реализации творческого замысла является приём интеграции вербоидов, когда данные деривационные сочетания, имея один деривант, объединяются в комплекс, представляющий своеобразный «сгусток», фокус значений нескольких предикатных существительных – семантических центров вербоидов: «С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно-требователен, и потому, не быв жестоким, он **возбуждал** к себе **страх и почтительность**, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек» [9, 112]; «Достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить большую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверное **подвергнуть** всю армию **позору**, подобному ульмскому, или общей гибели» [9, 214]; «Этот человек теперь в силе, я должен **приобрести** его **доверие и дружбу** и через него устроить себе выдачу единовременного пособия» [9, 253]; «Вид этот и звуки эти не только не возбуждали в нем какого-нибудь унылого или робкого чувства, но, напротив, **придавали** ему **энергии и решительности**» [9, 356]; «Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров, доставления воды, обдирания лошадей и т. п., скоро **оказал** большую **охоту и способность** к партизанской войне» [12, 142]; «Получив известие о Бородинском сражении и об оставлении Москвы, Ростов не то чтобы **испытывал отчаяние, злобу или месть** и тому подобные чувства, но ему вдруг все стало скучно, досадно в Воронеже, все как-то совестно и неловко» [12, 20].

Как видим, в отмеченных комплексах объединены вербоиды, именные компоненты которых могут вступать в частичные отношения синонимии или антонимии: *возбуждать страх и почтительность* = *возбуждать страх* + *возбуждать почтительность*; *приобрести доверие и дружбу* = *приобрести доверие* + *приобрести дружбу* и т. д. Вербоиды *возбуждать почтительность*, *придавать энергии*, *придавать решительности*, *оказывать способность* – единственные средства наименования акционально-статального признака. Что касается вербоидов *возбуждать страх*, *подвергнуть позору*, *подвергнуть гибели*, *приобрести дружбу*, то они имеют однословные коммуникативные эквиваленты *устрашать*, *опозорить*, *погубить*, *подружиться*, которые, однако, не «воспринимаются» текстом, поскольку не имеют необходимых дистрибутивно-семантических свойств, в отличие от синонимичных вербоидов. Так, словоформу *устрашал* не «пропускают» компоненты *к себе*, *почтительность* и придаточная часть *каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек*. Словоформа *опозорить* не контактирует в дистрибутивном отношении с компонентами текста *подобному ульмскому*, имеет в сочетаниях с другими словами элементы просторечно-разговорного характера. Результатом структурно-смысловой ассимиляции с вербоидом *подвергнуть позору* является вербоид *подвергнуть гибели*, вместо словоформы *погубить*. Вербоид с взаимно-возвратным значением

приобрести (его) *дружбу* имеет коммуникативный однословный эквивалент *подружиться* (с ним), который принципиально допустим в данном тексте, но его не «пропустит» с таким же значением вербоид *приобрести* (его) *доверие*, поскольку он не имеет однослогового коммуникативного эквивалента «*поверить*» (с ним).

И, наконец, в последнем примере мы имеем тройной комплекс вербоидов *испытывал отчаяние, злобу или месть*, который не даёт никаких шансов однословным компонентам *отчаивался, злобствовал* (злился) для вхождения в текст, во-первых, потому, что в языке нет третьего однослогового компонента («мстил»), и, во-вторых, потому, что три именных компонента данного комплекса в структурном и семантическом отношении поддерживаются словами «и тому подобные чувства».

Текстообразующие и текстоорганизующие свойства вербоидов нередко активизируются следующим путём: их семантический стержень – абстрактное существительное – представляет опорный смысловой центр одной из предикативных частей сложного предложения, а десемантизированный глагол (деривант) с коммуникативным заместителем этого существительного – местоимением – перемещается в другую предикативную часть. Так, например, преобразованы вербоиды *выказывать любовь, давать свободу*: «*Ростов был очень счастлив любовью, которую ему выказывали; но первая минута его встречи была так блаженна, что теперешнего его счастья ему казалось мало, и он всё ждал чего-то еще, и еще, и еще*» [10, 10]; «*Митя провожал Катю в студию Художественного театра, на концерты, на литературные вечера или сидел у неё на Кисловке и засиживался до двух часов ночи, пользуясь странной свободой, которую давала ей мать, всегда курящая, всегда нарумяненная дама с малиновыми волосами, милая, добрая женщина (давно жившая отдельно от мужа, у которого была вторая семья)*» [8, 183].

В этих примерах особенно заметна текстоорганизующая роль, а также мощная семантическая нагрузка вербоидов. Текстоорганизующая роль заложена в весьма динамичной, гибкой деривационной структуре вербоидов, отражающей модели синтаксических словосочетаний, а ёмкая семантическая нагрузка обусловлена составляющими частями вербоида: десемантизированным глаголом (деривантом), чаще всего сохраняющим ослабленные лексические семы, которые дают качественную характеристику общeverбоидного акционально-статального признака, и абстрактного существительного, обладающего пропозитивной семантикой.

«Распадаясь», вербоиды прежде всего скрепляют предикативные части, реализуя творческий замысел писателя. Однако такая трансформация вербоида не только повеление текста. Если исходить из психолингвистической концепции мотива (мотивации), речевой интенции и т. д., то интересной представляется мысль М. В. Всеволодовой о том, что «не контекст

“проясняет” смысл слова, а слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнёров**, в связке с которыми оно передаёт необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы... Связь слова “со своим” контекстом позволяет уточнить собственное значение слова, раскрыть его концепт в данном языке» [13, 26].

На семантику и организацию текста часто работает комплекс «мер», применяемых писателем по отношению к вербоидам: *«Всякий молодой человек, приехавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно своему счастью) улыбающиеся, девические лица, на эту оживлённую бегодную, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё готовый, исполненный надежды лепет женской молодёжи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодёжь дома Ростовых»* [10, 48]. Во-первых, в один комплекс объединены два вербоида: **испытывать любовь** и **испытывать счастье**. Во-вторых, осуществлена конкретизация семантики именных компонентов **любовь** и **счастье** распространёнными классификаторами (термин М. В. Всеволодовой) **чувство готовности** (к любви) и **чувство ожидания** (счастья). В-третьих, компонент **счастье** получает семантическое подкрепление повтором десемантизированного глагола **испытывала** с заместителем этого компонента местоимением **которое**.

Мы обратили внимание лишь на отдельные фрагменты проявления текста через призму вербоидных конструкций. Дальнейшее исследование этой проблемы с учётом деривационной специфики вербоидов [2; 4] и их производных позволит основательнее и глубже понять структурно-семантическое и текстообразующее своеобразие вербоидов в художественном тексте.

Литература

1. Сидорец, В. С. К проблеме содержания ключевых понятий функциональной грамматики / В. С. Сидорец // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2 [23]. – С. 157–161.
2. Сидорец, В. С. Отношение восточнославянских вербоидов к словообразовательным гнездам, возглавляемым прилагательными *рад, рады (рад), радий (рад)* / В. С. Сидорец // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 3 [20]. – С. 82–88.
3. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
4. Сидорец, В. С. Вербоиды – компоненты восточнославянских словообразовательных гнезд / В. С. Сидорец // «Мова і культура». – Київ: «Видавн. Дім Дм. Бураго», 2009. – Вип. 11. – Т. X (122). – С. 71–80.
5. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1988. – 123 с.

6. Гальперин, И. Р. О понятии *текст* / И. Р. Гальперин // Лингвистика текста: материалы научн. конф. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 67–73.
7. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.
8. Бунин, И. А. Повести и рассказы. 1917–1930 / И. А. Бунин // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 5. – 543 с.
9. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 1. / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 4. – 400 с.
10. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 2. / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 5. – 429 с.
11. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 3. / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 6. – 447 с.
12. Толстой, Л. Н. Война и мир. Роман в 4-х томах. Т. 4. / Л. Н. Толстой // Собр. соч. в 22 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 7. – 431 с.
13. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 504 с.